

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

или показательное выступление: пока де Мони просил публику отключить телефоны, Курентзис демонстративно вынул из кармана собственный телефон и отключил, держа на высоко поднятых руках.

На следующий день борьба со звонками продолжилась другим способом. Перед началом медитативного концерта пианиста Антона Батагова и оркестра MusicAeterna «Медленная музыка» Курентзис заявил: «Я больше не буду просить отключить телефоны. Это унизительно. Давайте договоримся: это объявление у нас больше никогда не будет звучать!»

Ещё одним врагом фестивальной атмосферы были аплодисменты. Благодарная публика упорно аплодировала в перерывах между частями музыкальных произведений, вызывая раздражение музыкантов и более продвинутых зрителей. Дохлопались до того, что перед «Медленной музыкой» Курентзис предложил не аплодировать вообще! Даже после окончания концерта! Публика вняла, и полтора часа, пока Антон Батагов и MusicAeterna нон-стоп играли медленные части из девяти фортепианных концертов, в зале царила тишина. Но в финале просьбу дирижёра никто не выполнил: исполнители по полной получили все положенные почести и вынуждены были исполнять все традиционные ритуалы — долго кланяться и принимать букеты.

Наконец, в финале фестиваля борьба с раздражителями завершилась успехом: на протяжении полутора часов, пока Фестивальный оркестр под управлением Теодора Курентзиса играл Пятую симфонию Малера, в зале не было ни одного постороннего звука. Публику будто подменили: в перерывах между частями симфонии царила тишина. Иначе как гипнотическим воздействием музыки и харизмы маэстро это никак не объяснить.

Для создания фестивальной атмосферы весьма постаралась креативная команда пиар-отдела театра, и не только в профессиональной деятельности: сотрудники отдела украшали фестиваль в самом буквальном смысле. Прекрасные девушки в изящных вечерних платьях и причёсках всем своим видом говорили: вот как надо относиться к торжеству искусства!

При этом успевали и по специальности креативить. Символ фестиваля — портрет Дягилева — в этом году интригующий. Сергей Павлович изображён на нём весьма молодым человеком — это не просто Сергей Дягилев, это пермский Сергей Дягилев, 18-летний юноша-театрал. Завсегдатаи фестиваля по-свойски прозвали его Серёжей, и социальные сети заполнили селфи «Мы с Серёжей». Портрет пиксельный, вопиюще цифровой: «Серёжа» — это юный Дягилев XXI века.

Ещё одним удачным фестивальным мемом стала гигантская надпись «Удиви меня!», появившаяся в фестивальном сквере. Выражение Дягилева, прозвучавшее в воспоминаниях Жана Кокто, оказалось идеально применимо к роли фестиваля имени великого импресарио. Кажется, что каждое событие Дягилевского фестиваля — 2015 — ответ на вызов, звучащий в этих словах.

Открытие фестиваля — мировая премьера двух опусов Дмитрия Шостаковича (незаконченной оперы «Оранго» и балета «Условно убитый») — приятно удивило задором, юмором, готовностью смеяться и радоваться вопреки кризисам и секвестрам.

Огромным открытием, удивительным и даже поразительным, стала музыка российского композитора Галины Уствольской. Стиль композитора — абсолютно индивидуальный, её творчество не принадлежит ни к одному известному направлению. Она тяготеет к лаконизму, но этот лаконизм иной, чем у модных минималистов: при скупости мелодических средств эта музыка эмоционально окрашена и очень динамична. Впрочем, при разговоре об Уствольской искусствоведческие определения пасуют, гораздо точнее эту музыку можно описать в непосредственных слушательских эмоциональных эпитетах.

Именно так говорит об Уствольской австрийский пианист Маркус Хинтерхойзер, который в дуэте со швейцарской скрипачкой Патрицией Копачинской исполнял на фестивале музыку российского композитора. Будучи интендантом Венского фестиваля, Хинтерхойзер с огромным трудом вырвался в Пермь на один день, чтобы сыграть важный для него концерт.

Маркус Хинтерхойзер, пианист, интендант Венского фестиваля:

— Я не могу играть её постоянно — такая музыка требует определённой внутренней подготовки, терпения, самоотдачи. И не только от музыканта, но и от слушателей. Эта музыка подобна зверю: она хватает тебя и крепко держит, от неё невозможно убежать. Если ты вовлечён в неё, то ты — в очень хорошем смысле — становишься её заложником.

Говоря о музыкальных открытиях, нельзя не вспомнить два концерта юбилея Леонида Десятникова — куратора резидента фестиваля. Исполненные на них шесть произведений прекрасно иллюстрируют метод композитора — этот, если можно так сказать, энциклопедический постмодернизм, когда почтительное цитирование классических образов элегантно оттеняет блистательная ирония. Свежо и даже дерзко прозвучала сюита из музыки к кинофильму «Москва», где русская актриса итальянского происхождения Моника Санторо спела «Враги сожгли родную хату» так, как это могла бы сделать механическая кукла из фильма ужасов.

Балет Акрама Хана Kaash можно назвать открытием с некоторой натяжкой: это вещь не новая, да и в целом творчество Хана любителям балета известно благодаря интернету очень хорошо. И всё же нельзя не отметить тот факт, что в России знаменитая постановка исполнялась впервые, а невероятное впечатление от живого танца никак не сравнить с видеовersion.

Некоторые зрители упрекали Kaash в декоративности, раздражались по поводу его бессюжетности, невнятности содержания. Но у Акрама Хана само тело танцовщика становится бесконечно содержательным, а каждое движение наполнено высокой, надчеловеческой энергией. Рисунок тел, сочетание безумной скорости движений с внезапными остановками, когда, кажется, даже воздух замирает, создают картину вселенной, в которой существуют и взаимодействуют, не пересекаясь, миры. Этот приём — постоянное взаимодействие пятерых танцовщиков, разбивающихся на пары и трио, без малейшего физического контакта — делает Kaash удивительным и ни на что не похожим.

Спектакль «Вакханки», поставленный Теодоросом Терзопулосом по трагедии

Еврипида для «Электротеатра Станиславский», переключается с британско-бенгальским балетом безумными энергетическими «молниями», бьющими со сцены в зал, отточенной, идеально отрепетированной пластикой, красивым, одухотворённым рисунком человеческих тел.

«Вакханки» — это продуманный и оправданный подход к современной постановке древнегреческой драматургии. Можно было бы, конечно, как это принято в западном кино, одеть всех героев в мундиры и партикулярные костюмы, прозрачно намекая на политические обстоятельства современности, но это прямоелинейное осовременивание — не для Терзопулоса. Он делает нечто противоположное: обнажает самые архаичные, в первобытность уходящие корни мифологического сюжета, тем самым делая их архетипически вневременными, а значит — актуальными всегда, в том числе и сегодня.

Елена Морозова в роли Диониса — это отдельный повод для почтительного удивления.

Завершилось всё, как уже было сказано, концертом Фестивального оркестра, который исполнял произведения Леонида Десятникова и Пятую симфонию Густава Малера — с одной стороны, хорошо известную профессионалам и часто исполняемую во всём мире, а с другой — незаигранную и достаточно сложную для обывательского восприятия. Адское сочетание: для одной части публики надо играть внятно, эмоционально и доступно, для другой — новаторски, с индивидуальным прочтением. Что ж, это как раз конёк Теодора Курентзиса! Великолепное звучание оркестра, эмоциональность, внимание к каждому звуку сделали концерт прекрасной точкой в фестивальной программе, дающей повод начать отсчёт дней до следующего фестиваля, который, как уже было объявлено, начнётся 17 июня 2016 года.

Дягилевский фестиваль позволил на протяжении 10 дней не думать о проблемах реальности, которые на фоне Малера, Десятникова, Акрама Хана и Еврипида казались такими ненастоящими. Но немедленно после завершения праздника театр поневоле окунулся в насущные проблемы: реконструкция, бюджет... И уже, увы, непонятно, что здесь настоящее, подлинное, а что — временное и эфемерное.

Kaash

«Скрипичный гала»

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

ФОТО ЭДВАРД ТИХОНОВ